

на антропоцентризме, христоцентризме и белорусоцентризме. Патриотическая белорусская идея, начиная с этнического самосознания в белорусских летописях и хрониках и до концепций национальной независимости XX в., проходит через всю письменную культуру Беларуси. В летописях патриотизм считается одним из главных положительных качеств человека, необходимой предпосылкой принятия им правильных и разумных решений. Вплоть до XVII в. в Великом Княжестве Литовском патриотические настроения поддерживались государственным статусом белорусского языка, всей совокупностью местного быта. Последующая полонизация, а затем и русификация нанесли огромный урон белорусскому менталитету, ограничили масштабы его распространения. И тем не менее «белорускость» не была убита.

Таким образом, белорусская национальная идея прошла длительный путь становления: от слабо осознанных, недостаточно оформленных представлений об особенностях территории Беларуси и её населения до чётко выраженного стремления к созданию национального белорусского государства. В рамках суверенного государства белорусы смогут с наибольшей эффективностью развивать свою культуру, взаимодействуя с культурами других народов, широко используя их опыт, а также обогащая их своими собственными достижениями.

Сегодня общенациональные цели, на которых базируется национальная идея, — обеспечение безопасности государства и его граждан, поддержание динамической стабильности общества, проведение сильной социальной политики внутри страны, сохранение генофонда нации, обеспечение необходимого качества окружающей среды. Если говорить о национальной идее предельно обобщённо, то в системе сегодняшних задач общенациональное значение приобретает возрождение национального духовного наследия в широком смысле национальной идеи, возвращение белорусов к самим себе, или, иначе, — формирование концептуально определённых взглядов на судьбу народа, создание на конкретных объективных исторических фактах самой теории существования родины. Осуществление такой грандиозной задачи — важнейшее условие сохранения и упрочнения политической независимости молодого белорусского государства. Это главное ядро национальных идей, принимаемых подавляющим большинством населения страны. Можно не сомневаться, что, при всём их многообразии, несовпадении и даже конфронтации частных и временных целевых ориентаций, общенациональные цели могут быть дополнены вполне определённой совокупностью более конкретных целей в социально-политической, экономической, культурной областях, также принимаемых большинством граждан [4, с. 16].

Исторический опыт и мировая практика этнического развития национальных отношений показывают, что только с помощью национальных идей можно добраться до уровня идей общечеловеческих. Национальная идея белорусского народа в наши дни — это идея национального суверенитета, независимости, национальной государственности, развития национальной культуры и языка, народных традиций и быта.

Базовыми принципами белорусской национальной идеи можно считать толерантность, взаимопонимание и взаимоуважение в отношениях различных народов. Историческое прошлое предоставляет нам немало свидетельств этнической и религиозной терпимости у наших предков, которая пережила века и оставила глубокий след в современном духовном облике белорусского народа.

Заключение. Концептуальное содержание национальной идеи складывается из познания истоков своей этнической ментальности, глубокого знания своей культуры, традиций, всей истории народа, из объективного установления особенностей национального характера, из глубокого осмысления современного геополитического положения нации, её взаимоотношений с соседними народами и всем миром.

Список цитируемых источников

1. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Изд. 2-е. М. : Ин-т рус. цивилизации : Благословение, 2011. 816 с.
2. Абдзіраловіч І. Адвечным шляхам: Дасьледзіны беларускага светапогляду. Мінск : Навука і тэхніка. 1993. 36 с.
3. Там жа. С. 8.
4. Бадакоў А. В. Адзіства менталітэту, нацыянальнай самасвядомасці і культуры нацыі // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры. 2002. № 1. С. 16.

УДК 101.1:316

Б. М. Лепешко

Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», Брест

ФЕНОМЕН «АНТИПРОМЕЖУТОЧНОСТИ» НАЦИОНАЛЬНОГО ФИЛОСОФСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Введение. Оговоримся, что применительно к методологии вряд ли можно использовать такие предикаты, как «провинциальная» или «периферийная». Методология почти всегда выступает в форме наднациональной, не связанной предпосылками этнического или конфессионального характера. Словосочетания «немецкая кантианская методология», «католическая методология Фомы Аквинского» или «русская ленинская методология»

звучат, как минимум, странно. «Периферийность», «провинциальность» — это, скорее, признаки культуры, философской, общественной, правовой, политической мысли того или иного региона, страны, этноса.

Мы стесняемся назвать уровень собственного философского мышления «периферийным», хотя и осознаём такого рода периферийность, прежде всего как понимание того простого факта, что ни мощных концептуальных трудов, ни теорий, ни принципиально новых парадигмальных установок мы не создали. Их нет, а все ссылки на то, что в трудах «икс» звучали неокантианские мотивы, а в работах «игрек» заметны гуссерлианские интонации — это всего лишь попытка найти хоть какой-то плод на дереве, которое ещё только намеревается плодоносить.

Вопрос ведь не в том, что земля скудна на таланты, а в двух вещах: во-первых, в работе этих самых светлых голов на нашей собственной земле, и, во-вторых, в создании условий для массовой подготовки национальной элиты не только в технократической сфере. Слово «технократический» возникло не вдруг. Разного рода инновации фокусируются в данной области. Это именно то, что приносит дивиденды, в первую очередь материальные. И против этого возражать не приходится. Возражать необходимо против молчаливой практики признания «вторичности» таких дисциплин, как философия, логика, литература и пр. Гуманитарии, поскольку денег от них не дождёшься, резервируются вроде как своего рода интеллектуальный обоз: и в бой их не пошлешь, и кто-то по тылам свой ходит. Обратимся в этом контексте к феномену «промежуточности».

Основная часть. Достаточно часто звучит мысль о том, что исторически положение Беларуси — «промежуточное». Некоторые российские, белорусские исследователи защищают ту точку зрения, согласно которой «промежуточность» касается всей системы национальных координат, как временных, так и пространственных [1, с. 72]. То есть, Беларусь постоянно находилась и находится «между» Востоком и Западом, католицизмом и православием, русским, польским языком и т. д. А такое положение нельзя назвать ни постоянным, ни комфортным, рано или поздно необходимо сделать выбор. «Промежуточности» придаётся столь большое значение, оно столь часто фигурирует в теоретических работах, университетских учебных пособиях, школьных учебниках по истории, что вполне может претендовать на некую «парадигму знания».

Здесь можно выдвинуть такие аргументы, оспаривающие данное, вроде бы бесспорное суждение. Даже если принять за основу тезис о «промежуточности», то очевидно, что этот термин нуждается в безупречном определении, со всем необходимым набором существенных черт. Есть ли такие черты у «промежуточной» Беларуси, её исторического пути? На наш взгляд, таких черт нет. «Колебание» между православием и католицизмом, Востоком и Западом (в широком смысле этого слова) — это и есть существенные черты «промежуточности». В таком случае под определение промежуточности может попасть любая из сопредельных, как минимум, стран. Разве Россия «не колебалась»? Ещё как, достаточно вспомнить известнейший спор между славянофилами и западниками. А, например, точку зрения знаменитого философа В. Соловьёва, призывавшего к новой экуменической теории и практике и, по преданию, перед смертью принявшего католичество, можно вполне представить как реальное и блестящее воплощение «промежуточности». Его же предшественник П. Чаадаев со своими эпатазирующими «Философическими письмами» может квалифицироваться как теоретический предтеча «промежуточности».

Но дело не только в России. В книге современных польских историков, которая называется «История Польши с древнейших времён и до наших дней», можно прочитать в авторском посвящении читателям: «мы составляем частицу более чем тысячелетней истории европейского народа, веками жившего между двух могучих стихий — германской и великорусской, между двумя великими центрами культуры» [2], т. е. вроде бы та же самая «прамежквасець». Констатация та же, вот только выводы другие: не говорится, что это свидетельство «особого национального статуса», речь о том, что данное положение вещей было причиной формирования «особой души» польского народа. На «промежуточности» вообще проблема не заостряется.

Разговоры о «промежуточности» у нас — ненужные разговоры, поскольку нет «промежуточных» наций и таких же народов. Возможно, гораздо вернее констатировать, что «промежуточность» на деле есть «неопределённость», «неоформленность», становление, а не нечто установившееся. Намного более верным является в контексте данных рассуждений понятие «мост», которым также оперируют исследователи. Беларусь — «мост» между известными силами притяжения, эта формулировка не вызывает возражений. Метафорически можно утверждать, что любая страна — своего рода «мост» между соседями, и такая постановка вопроса даёт возможность почувствовать целостность истории, а не её разобщённость. В частности, гродненские исследователи в фундаментальной монографии справедливо отмечают, что Беларусь всегда ощущала себя не центром, а неким буфером, краем. «Беларусь — это “коридор”, “транзит”, “мост” между цивилизациями, “окраина”, страна, находящаяся на стратегическом перекрёстке...» [3, с. 337—338]. Сравните: «перекрёсток», «мост» и «промежуточность» — это всё же не синонимы.

Когда утверждают «промежуточный» статус исторического пути страны, то, возможно, исходят из благородной цели каким-то образом обосновать очевидное: трагически позднее социальное, интеллектуальное «взращение», долгую неопределённость цивилизационного выбора, несамостоятельность, корящуюся и в отсутствии национального государственного образования, и в зримых проявлениях духовного творчества. Цель может быть благородная, а вот средства таковыми назвать нельзя. Поскольку само понятие «промежуточности», применённое к стране, народу, сознательно или нет искажает суть вещей, мало того, дезориентирует исследователей. Почему? Например, в связи с тем, что метафизические рассуждения относительно таких категорий, как Восток, Запад, Север, Юг, — искусственны с точки зрения белорусской нации, хотя бы потому, что сам спор ей навязан, сами категории ненастоящие для людей, у которых на первом месте иные вещи и процессы. В данном случае не имеет значения, какое содержание вкладывается в категории «Восток», «Запад» и иные: сами категории не имеют никакого предметного содержания для нации. Вот, например, можно услышать рассуждения, что «Беларусь доўгі час

захоўвала сваю прамежкавасць і канчатковую недалучальнасць ні да Захаду, ні да Усходу» [4], мало того, исходя из этого тезиса, необходимо менять «модели»: «модель Запад—Восток» на «модель Север—Юг». Следует взять слово «модель» в кавычки, потому что это исключительно соображения позднейших аналитиков, не имеющих никакого отношения к реальному процессу исторического развития и его осмыслению. То есть, если Пётр Чаадаев, например, был «укоренён» в процесс цивилизационной самоидентификации, и потому его «Письма» читаются не как «диссертация», а как кровоточащие откровения, то для позднейших аналитиков в нашей стране прошлое всего лишь «модель». Сколько этих моделей может быть и каковы они по сути — здесь возможен подлинный разгул творчества и фантазии. Кстати, в цитируемой нами работе минских учёных указывается, что «нават да XX стагоддзя у Беларусі не было адпаведных цэнтраў гуманітарных даследаванняў» [5]. Центров не было, а вот моделей появилось достаточно много. Необходимо только уточнять, что все «модели» не имеют никакого отношения к той реальной жизни, которой жили наши предки все последние столетия.

«Промежуточность» (если принять условно этот термин) есть следствие государственной, интеллектуальной отсталости — и об этом надо говорить прямо. Если прибегнуть к аналогии, то какого человека можно назвать «промежуточным»? Очевидно, того, кто не определился, не сформировался, не заявил о своих предпочтениях. Нация, которую разрывали на части со всех сторон, может быть названа «промежуточной» только в этом смысле. А все иные разговоры — лишь форма маскировки истинного положения дел.

Проблему «промежуточности» («прамежкавасці» — не самый удобный, кстати, термин) можно решить, например, таким способом: согласиться, скажем, с М. Кояловичем в части понимания нашей истории как истории «Западной Руси». Тогда всё встаёт на свои места и ни о какой «промежуточности» и речи быть не может. Но о концепции М. Кояловича надо говорить специально, в том числе и в контексте пресловутой «промежуточности». Кстати, в этом аспекте для сторонников альтернативной точки зрения приемлема апелляция к пониманию нашей истории как истории вкаэловской, читай, европейской. Об этом, кстати, достаточно много говорится последнее время. Но ведь апелляция к Великому Княжеству Литовскому (Европе) снимает саму идиологему «прамежкавасці», поскольку нет никакой «прамежкавасці», а есть единая Европа с богатством национальных особенностей стран, в неё входящих. То есть, как концепция М. Кояловича, так и идиологема, основанная на том, что наша история — единая история Великого Княжества Литовского, снимают и дезавуируют феномен «прамежкавасці», с разных, естественно, методологических, мировоззренческих позиций.

Категория «промежуточности» основывается не на реальных процессах, а всё на той же «модели», суть которой — в попытке оправдать историческое существование страны, в малой степени реализовавшей и свою мечту о собственной государственности, и недостаточно полно доказавшей свою духовную состоятельность. Да, звучит не очень приятно для «национального уха», но, во всяком случае, без излишнего манипулирования абстрактными категориями, говоря проще, без обмана.

Вернёмся к понятию «модель» применительно к геополитическому положению страны и перспективам её развития. Сразу же надо оговорить два положения: первое — работ концептуального характера по поводу неких моделей исторического развития страны, их сущности, иерархии и т. д.) у нас, насколько известно, нет, второе — понятие «модель» «привязывается», как правило, к пресловутой теории «прамежкавасці», промежуточности.

Обратимся к точке зрения одного из белорусских авторов — С. Санько, который аргументирует метафизические предпосылки нахождения Беларуси между Западом и Востоком, а также возможность рассмотрения положения страны по иной оси координат, Север—Юг [6].

Слово «метафизические» здесь употреблено исключительно в силу сложной терминологии, применяемой автором, как правило, схоластического свойства. Если же по существу первой дихотомии «Восток—Запад», то исследователь на первое место ставит географический фактор. То есть, «промежуточный» статус страны объективен по причинам природно-ландшафтного характера. Здесь и «главный европейский водораздел», и «истоки крупнейших европейских рек», как вывод, «падобныя вадаразделы й вытокі буйных рэк азначалі яшчэ й адмысловы сакральны статус гэтай зямлі» [7]. Далее говорится о том, что Беларусь дорого заплатила за своё геополитическое положение, имеются в виду многочисленные жертвы в результате войн, набегов и столкновений иного характера. Здесь же упоминается (без аргументации) положение о том, что Беларусь до сих пор остаётся «зоной консервации староевропейской архаики». Вывод: положение между Западом и Востоком в качестве «промежуточной» инстанции не помогло процессу идентификации, поэтому надо обратиться к оси Север—Юг.

Оппозиция Север—Юг, по мнению автора, «фундаментальная», «более реалистическая», даже «аутентичная». Однако почему, по каким основаниям — исследователь ответа не даёт, ограничиваясь туманными аналогиями политологического характера.

Здесь стоит приветствовать попытку хотя бы в такой, ограниченной форме задуматься над философско-историческими (в частности) судьбами Беларуси. Безусловно, для детального разбора предложенной точки зрения нет материала, не ясно, в частности, каким образом модель Север—Юг может быть применена к рассматриваемым проблемам.

Заключение. Исходный посыл — «прамежкавасць» — представляется ложным, это фактор второго, третьего порядка. Несложно привести десятки примеров, когда народ, страна находятся «между» геополитическими центрами, «между» реками и морями, океанами, конфессиями, но, однако, сводить весь процесс к этой констатации — значит заранее считать наш народ недееспособным.

Список цитируемых источников

1. Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі : у 6 т. Мінск : Беларус. навука, 2008. Т. 1. 574 с.
2. Дыбковска А., Жарын М., Жарын Я. История Польши с древнейших времён до наших Дней. Варшава : ПВН, 1995. 341 с.

3. Современные глобальные трансформации и проблема исторического самоопределения славянских народов / Ч. С. Кирвель [и др.] ; под науч. ред. Ч. С. Кирвеля. Гродно : ГрГУ, 2008. 532 с.
4. Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі. С. 100.
5. Там жа. С. 21.
6. Сянько С. Штудыі з кагнітыўнай і кантрастыўнай культуралёгіі. Мінск : БГАКЦ, 1998. 190 с.
7. Там жа. С. 186.

УДК 101.1:316.42

С. О. Мазур

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ГЛОКАЛИЗАЦИЯ КАК ОСНОВНАЯ ТЕНДЕНЦИЯ СОВРЕМЕННЫХ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Введение. На современном этапе общественного развития глобализация выделяется как ведущая тенденция трансформационных процессов, охвативших в настоящее время все сферы общественной жизни. По словам британского социолога Зигмунта Баумана, «глобализация» сегодня у всех на устах; модное словечко, быстро превращающееся в лозунг, в заклинание, в некий ключ, способный открыть дверь к любым существующим и будущим загадкам. Для кого-то «глобализация» — это то, что нам необходимо для счастья, для других — причина всех несчастий. Однако для всех глобализация — это неизбежная фатальность нашего мира, необратимый процесс; кроме того, процесс, в равной степени и равным образом затрагивающий каждого человека. Нас всех «глобализуют» — а быть «глобализуемым» означает в общем одно и то же для всех, кто подвергается этому воздействию» [1, с. 10]. Как отмечают западные исследователи (П. Бергер, Т. Лукман, Р. Робертсон), глобализационные изменения осуществляются как на глобальном, так и на локальном уровнях, что создаёт неоднородность развития процессов глобализации в экономической, политической и социокультурной сферах. Вопрос о соотношении локального и глобального является одним из основных в осмыслении перспектив развития глобализирующихся обществ, так как кризис идентичности, порождённый соотношением глобального и локального, сегодня переживает каждый современный человек, который ощущает все общественные изменения, ведущие к трансформации его сознания. Под влиянием глобализации человек «вынужден» жить в мире массовой культуры, которая сегодня становится явлением общемирового масштаба. «Глокализм (glocalism, от сращения корней латинского global — всемирный, и local — местный) — сочетание процессов глобализации и локализации в развитии человечества. Глокальный (glocal) — соединяющий глобальное с локальным, всемирные центры с периферией; то, что имеет отношение и к глобальному, и к локальному... В конце XX в., особенно после падения железного занавеса, быстро происходят процессы глобализации экономики, связи, транспорта, международного права, туризма, культуры... Одновременно отмечается и противоположная тенденция — к ускоренному развитию локальных культур, малых этносов, обострению их притязаний на суверенитет. Нации, с одной стороны, объединяются глобальными системами коммуникации, коммерции и т. д.; с другой стороны, расщепляются на этно-региональные составляющие. Все это ведёт к размыванию с двух сторон традиционных национально-государственных границ. Процессы глобализации и локализации внутренне взаимосвязаны. Один из насущных вопросов XXI века: будет ли идти интеграционный процесс по пути к мировому правительству или произойдёт резкое обострение групп населения по этническому, религиозному, культурным признакам? Скорее всего, оба процесса, интеграции и дифференциации, будут развиваться параллельно, ускоряя и подстегивая друг друга. На знамени XXI в. будет написано не «глобальность» и не «локальность», а глокальность. Каждая окраина мировой деревни будет прямо подключена к глобальным процессам, а не через посредство района, области, штата, нации, государства. Технический прогресс — это именно растущая глокализация... Проницаемость, мгновенность, обратимость информационных и энергетических связей, от индивида до планетарного логоса, — это и есть глокализация: рост в обоих направлениях, «макро» и «микро»» [2, с. 66—67].

Основная часть. Самое раннее использование термина «глокализация» произошло в рамках японского маркетинга («dochakuka») и обозначало адаптацию определённой фермерской технологии к местным условиям, а затем стало интерпретироваться как адаптация глобального товара к конкретному локальному рынку. Термин «глокализация» (синтез слов «глобальный» и «локальный») был введён английским социологом Роландом Робертсоном в статье «Глокализация: пространство-время и гомогенность-гетерогенность» с целью замены им понятия «культурная глобализация». «Глокализация означает одновременное осуществление глобализации и локализации: глобализируются экономика, информация и массовая культура, одновременно происходит локализация национальных культур, отстаивание ими своей идентичности» [3, с. 236]. Согласно Р. Робертсону, «глобализация является и объективным процессом сжатия всего мира, и субъективным процессом всё большего осознания мира как единого целого» [4, с. 8]. «Глобализация — это увеличение взаимозависимости всех уголков мира наряду с осознанием этой взаимозависимости; её главная особенность состоит в том, что действительно возникли и всё более широко распространяются индивидуальное сознание этой глобальной ситуации и представление о мире как об арене, на которой мы действуем» [5, с. 58]. В книге «Многоликая глобализация» С. Хантингтон и П. Бергер обращаются к представлениям Р. Робертсона о глобализации и глокализации социокультурных пространств, отмечая в частности: «Однако это не означает, что глобализация представляет собой грандиозную силу, способствующую